

Организмы Мишки и Славика, как у многих подростков, время от времени невыносимо требовали чего-нибудь экстремального. И этот экстрим нужно было найти во что бы то ни стало, иначе жизнь теряла свои краски.

Новогодние каникулы обещали быть незабываемыми, поскольку ребята задумали тайно от родителей посетить дремучий лес за старой почти вымирающей деревней в двухстах километрах от их города. Они хотели было взять в компанию Петьку, но тот испугался и дал слово

всех прикрывать, отвечая, когда его спросят, что все они дружно поедут к его бабушке в деревню отдыхать. Мишка и Славик взяли два двухлитровых термоса с горячим чаем, сухарей, баранок, спичек, два фонарика. Сели на пригородный поезд и поехали в глухую деревню.

В этой деревне раньше жила бабушка Славика, но год назад она умерла. Ее дом стоял почти у леса. Ребята решили сходить в лес ненадолго, пока просто посмотреть, как оно там, в зимнем лесу, а уже на завтра отправиться туда на целый день. Все свои вещи, кроме фонариков, оставили в доме. Заснеженная лесная сказка манила своей неизвестностью. Тропка, ведущая в лес, казалась легко запоминаемой. Им показалось, что зашли они недалеко, однако ребята не заметили, как заблудились.

— Мы шли оттуда,— Мишка махнул куда-то вправо.

— У тебя всегда было плохо с ориентацией на местности,— самоуверенно ответил Славик.— Мы оттуда зашли,— показал он в противоположную сторону.

— Если так, пусть каждый пойдет по своему пути,— вспылил Мишка, обидевшись на обвинение в плохой ориентировке.— И посмотрим, кто раньше придет домой.

Мальчишки разошлись. Славик быстро нашел дорогу обратно. Самодовольно ухмыльнувшись, он посмотрел в сторону леса и пошел в дом своей бабушки.

Путь, по которому пошел Мишка, тоже мог вывести из леса, только на это потребовалось бы больше времени и тропы были более путанными. К тому же (мальчишки об этом не знали), в лесу протекала река, не замерзавшая на зиму, и при одном неверном шаге скатиться в нее ничего не стоило.

В лесу стремительно темнело. Мишка начинал замерзать. Он перестал понимать, куда идет. Вдруг нога Мишки заскользила, и он кубарем покатился с пригорка прямо в ледяную реку. Она была неглубокой, но своим холодом парализовывала от макушки до пят. Мишка почувствовал, что даже крикнуть «Помогите!» он не в силах.

Славик зашел в дом. Перекусив еще горячим чаем из термоса и баранками, он решил подремать. Проснувшись через час, Славик испуганно вскочил. Мишки не было. За окном уже стемнело. Он взял фонарик и вышел на улицу. Тишина и пустота вокруг, как будто, не то что в деревне, на целой планете Славик остался один. Он вошел в дом. В холодной избе было неуютно и пахло сыростью. Он трясся то ли от холода, то ли от испуга. Принес из сарая дрова и стал неумело растапливать печь. Руки дрожали, очень хотелось согреться, но не получалось растопить печь.

Что делать теперь? Как сказать родителям Мишки, что их сын пропал? А что сказать своим родителям? Обманули всех. Наврали, что поедут отдохнуть к Петькиной бабушке. Петька-то поехал, а они свернули совсем в другую сторону. Целый год со смерти Славкиной бабушки этот дом не отапливался. Истопник, конечно, из Славика никакой — кто его научит в городской квартире растапливать печь? Из его глаз от осознания собственной беспомощности потекли слезы. Вот они всегда искали экстрима: прыгали летом с тарзанки, ныряли с аквалангом, зимой выделывали виражи на лыжах... А сейчас пришло настоящее испытание, и они его не выдержали. Мишка вовсе в лесу сгинул, а Славик даже печки растопить не может, чтобы согреться. Вот где экстрим: попробуй, не замерзни в собственном доме!

Славику было стыдно и страшно. Он решил не выходить из дома и в город не возвращаться. Пусть он медленно умрет от голода и холода, но не признается родителям Мишки, что по его вине их сын пропал. Что скажут в школе? Что Славик предатель — бросил друга в лесу? На его родителей будут показывать пальцем: вырастили, мол, предателя. Его загнобят...

Он нашел в шкафу плед и одеяло. Они были холодными и совсем не согревали. Но Славику уже было все равно — пропадать так пропадать. Он закутался в них и стал беззвучно плакать.

По случайности Илья Гаврилович шел к своей избушке, когда Мишка скатился в речку. Илья Гаврилович бросился вытаскивать мальчика. Тот был без сознания. Илья Гаврилович, взяв на руки Мишку, занес его в избушку. Снял мокрую одежду и принялся растирать его своими травяными мазями, которые научился варить еще в детстве. В избушке жарко натоплено. Но он укрыл Мишку одеялом и заварил свой специальный отвар, который и его самого не раз выручал. Оставив отвар настаиваться, Илья Гаврилович присел на кровать рядом с Мишкой. Тот начал приходить в себя, но глаза ему было сложно открыть. «Лет пятнадцать,— подумал Илья Гаврилович, глядя на Мишку,— моему Владику было бы сейчас столько же».

Илья Гаврилович недавно потерял всю свою большую дружную семью: детей и внуков. Они возвращались с далекого заграничного курорта. Позвонили накануне вылета. Были счастливые, радостные и загорелые. Но навсегда остались в небе...

Избушки в лесу были у многих деревенских жителей, кто любил уходить в лес на рыбалку или на охоту, на пару-тройку дней, а то и на неделю или даже на месяц. Илья Гаврилович тоже имел избушку. Со своими сыновьями он любил тут бывать. Однако после потери семьи удалялся в избушку только тогда, когда хотелось вспомнить добрые времена, когда все его родные были живы...

Как ему потом будет вспоминаться, Мишка сначала услышал треск горящих поленьев. Потом открыл глаза и увидел над собой потолок из крепких бревен. Он попытался повернуть голову, но почувствовал боль от ушибов, полученных при падении.

— Вот и у меня появился внучок. Такой новогодний подарок! — услышал он чей-то ласковый голос. — Отдам внучка, отдам. Так хоть на денечек будет у меня внучочек.

Мишка все же сделал усилие и повернул голову на голос.

Он увидел высокого, жилистого старика. Белоснежно-седая борода и волосы, обрамлявшие его лицо, делали весь его облик как бы светящимся. Голос его был необыкновенно добрым и ласковым. Мишка мог бы принять его за деда Мороза, если бы верил в его существование.

— Ты не бойся, — увидев, что Мишка открыл глаза, сказал ему старик, — я тебя провожу домой. Вот поправишься и провожу.

Мишке показалось, что он смог в ответ улыбнуться, но старик увидел на лице его гримасу боли.

— Плохо тебе? Потерпи. Травки, они помогают всем. И мед еще. И тепло, конечно, без него никак после ледяной речки.

Прошло два дня и Мишке стало гораздо лучше. Он мог уже самостоятельно вставать и от ушибов остались только воспоминания.

— Ну вот, — услышал он утром на третий день, — можно тебя родителям возвращать.

Они засобирались в дорогу.

— Дедушка, а вы кто? — спросил Мишка напоследок.

— Да просто — дед.

— Спасибо вам! У меня никогда не было дедушки.

— А у меня уже нет внука. Ну, иди по этой тропке, прямо, не сворачивая. Вон там, вдали, уже и деревню видно. Тропинки здесь путанные, так что будь осторожен. Здесь даже бывалые пропадали.

Мишка постучал в дом. Славик боялся открывать. Сам он за эти дни уже заиндевел в холодном доме, но признаваться в своем проступке все же боялся. Чай из термоса был давно выпит, в животе квакали лягушки, но вернуться в город и покаяться было для него непреодолимой задачей.

Мишка подошел к окну. Сквозь замороженное стекло ничего не было видно. Он постучал.

— Славик! Это я. Я вернулся!

Славик подумал, что от холода и голода у него начались галлюцинации, и не решился открывать. Мишка продолжал тарабанить. Наконец Славик осмелел и открыл замерзшую дверь.

— Мишка! Ты живой?! Ты не глюк?!

— Я не глюк! — ребята сжали друг друга в объятьях так сильно, что у обоих хрустнули косточки.

— А я ... так боялся,— трясясь, говорил Славик,— так боялся, что ты... что ты...

— Да я сам боялся, но ничего. Меня дед какой-то спас. Хороший такой дед! Я так жалею, что у меня нет дедушки! — неожиданно для себя сентиментально произнес Мишка последнюю фразу.

Мальчишки в тот же день поехали домой. Конечно, рассказывать правду никому не стали. Петьке соврали, что видели медведя и совсем не испугались, а как раз наоборот — медведь их испугался. Почему тот не был в спячке? Ну, может быть, ради них, городских гостей, и проснулся. Родителям, само собой, ни словом не обмолвились, иначе, понятное дело, больше без контроля ни шагу сделать не дадут. В общем, все концы в воду удалось спрятать. Только вот Мишка никак того деда забыть не мог. Стоял он у него в глазах и забываться ну никак не хотел. У Мишки, действительно, никогда не было дедушки. У всех в его классе были дедушки, а у него не было. И так обидно было, хоть плачь. Он, конечно, не должен быть сентиментальным, он уже взрослый, ему пятнадцать, скоро шестнадцать лет. Надо уже о девушке думать, а не о дедушке... Только вот он не мог. Не мог забыть и голос тихий и добрый, и лицо, белоснежной бородой обрамленное, и глаза сине-голубые ласковые.

Прошло почти десять лет с тех пор, как Мишку спас тот неизвестный ему дедушка. Мишка уже стал Михаилом Борисовичем, окончил вуз и защитил кандидатскую диссертацию, женился. Работал в научно-исследовательском институте, но... никак не мог забыть своего спасителя. Однажды он рассказал эту историю своей жене Люде.

— Знаешь,— сказала она ему,— все в жизни не случайно. У меня ведь тоже не было дедушки. А ты был бы не против, чтобы он с нами жил?

— Конечно, нет! Об этом можно только мечтать! — воскликнул тот.— Только где же его найти? В этой деревне он больше не живет, я уже туда ездил, спрашивал у всех. Сказали, что вроде бы добровольно решил уйти в интернат для престарелых. В каком интернате его искать и как? Я даже не знаю, как его зовут.

— Моя подруга Юлия доброволец в благотворительном фонде «Дорогие мои старики». У них в базе все дома престарелых страны. С фотографиями! Ты ведь помнишь, как он выглядит, а это гораздо облегчит задачу!

— В каком же интернате его искать? — недоумевал Миша.— У нас их по области вон сколько!

— Потратим немного времени, посмотрим все фотографии,— с оптимизмом в голосе сказала Люда.

У Миши отчего-то безнадежность острой иглой кольнула в сердце. «А вдруг он уже умер?» — мелькнуло в голове. Столкнуться лицом к лицу с этой реальностью было бы ударом для него. Он так мечтал найти дедушку, и вдруг все будет напрасно? Но, видя решимость жены, он не позволил себе отказаться от этой идеи.

Они отправились в благотворительный фонд.

— Давайте начнем с интерната нашего района,— предложила им Юля.

Но поиск оказался тщетным. Еще две попытки тоже не увенчались успехом. Интернаты расформировывались, стариков переселяли, старые данные не всегда обновлялись, в общем, всем троим начало казаться, что смысла в поиске уже нет, однако никто вслух этого не сказал, и Юля упорно давила на клавиши ноутбука. Наконец на четвертом интернате им повезло. Миша увидел знакомое лицо: те же синеголубые глаза — ласковые, и светящаяся седина, обрамлявшая его лицо.

«Добролюбов Илья Гаврилович»,— прочел Миша под фотографией.

— Илья Гаврилович, как же я рад, что нашел тебя,— прошептал Миша, глядя в монитор.

Миша с женой решили забрать Илью Гавриловича на Новый год. Однако неожиданно Мишку вызвали в командировку.

— Давай ему письмо с открыткой отправим,— предложила жена.— А то так — с бухты-барахты придем, люди незнакомые. Для начала письмом о себе напомним. Ты вернешься, и мы его заберем!

Решили так и сделать: написать письмо, отправить открытку, позвониться с администрацией, договориться (Юля, конечно, поможет договориться) и забрать его к себе. Забрать навсегда.

Помирать в одиночестве Илья Гаврилович не хотел. Да и ему, привыкшему к большой семье, было скучно одному. В деревне общаться стало почти не с кем, особенно зимой. А летом деревню наполняли в основном незнакомые дачники. Местных жителей становилось все меньше и меньше...

Илья Гаврилович решил уйти в дом престарелых. Домик свой завещал соседям. Взял с собой дорогие сердцу фотографии, документы и одежду на смену. Навещать его никого не просил. Нового адреса никому не оставил.

В доме престарелых народ, конечно, был разный. Тихих интеллигентов было только двое — собственно сам Илья Гаврилович и еще один старичок. Вот с ним он только и мог говорить по душам. С

остальными обитателями интерната Илья Гаврилович держался дружелюбно: с заядлыми шахматистами играл в шахматы, кого надо было выслушать — выслушивал, однако никого не осуждал. День свой старался проводить деятельно: начинал утро с зарядки, читал, выходил на прогулку. Но по вечерам накатывала непреодолимая тоска, отчего-то хотелось рыдать и рвать на себе рубаху. Старички и старушки здесь хорошие, но ему до сердечной боли не хватало семьи. От того каждую ночь, глядя в черно-синюю мглу за окном, он чего-то ждал.

Илья Гаврилович проснулся раньше всех. В доме престарелых стояла тишина, время от времени прерываемая лишь чьим-то сонным вздохом или всхрапыванием. Кровать его стояла у окна. Он сел. И с какой-то неизвестно откуда взявшейся надеждой на ожидание чего-то нового, посмотрел в чернильную мглу, в которой точками сияли далекие придорожные фонари.

Стало светать. «Четвертое января»,— прочел Илья Гаврилович на календаре.

— Илья Гаврилович, вам письмо,— войдя в его комнату, сказала сестра-хозяйка.

— Странно... Мне вроде писать никто не должен. Одинокий я, никого у меня нет.

— Знаю-знаю. Но вот, однако же.

— Спасибо,— Илья Гаврилович принял из рук сестры плотный конверт. Отправитель был незнакомый.

«Что ж, может, напутал кто»,— подумал он, вскрывая конверт. В нем оказалась новогодняя открытка и письмо.

«Здравствуйте, дорогой Илья Гаврилович! Я очень рад, что нашел Вас наконец! Не удивляйтесь: есть на свете человек, который Вас помнит и благодарит за свое спасение. Помните, десять лет назад Вы вытащили из мерзлой реки мальчишку-подростка и вылечили его? Это был я. Все эти годы я о Вас помнил и очень хотел найти. И нашел! Как? Об этом при встрече. Я обязательно приеду к Вам и заберу к себе домой. У меня никогда не было дедушки и я безумно рад, что Вы появились в моей жизни. У меня большой дом, я и моя семья будем рады Вам...».

«И кто сказал, что чудес не бывает? Они случаются даже со стариками. Вот вам доказательство»,— подумал Илья Гаврилович.

— Опоздали с поздравлением? — спросила сестра, кивнув на открытку «С Новым годом», которую Илья Гаврилович положил на тумбочку.— В праздничные дни почта работает плохо, особенно в нашей глуши. Надо было им раньше отправлять.

Илья Гаврилович, услышав шум машины, выглянул в окно. Из автомобиля вышли мужчина и женщина и направились к дому престарелых. Он понял, что это к нему.

— Да нет, как раз вовремя! — ответил он сестре, радуясь тому, что Рождество, старый Новый год, да и вообще все праздники он теперь будет встречать дома.